

СОДЕРЖАНИЕ

Проклятие половецкого идола	7
Молитва.	37
А ведь так хороши были яблони в белом!	46
Домовенок из прифронтовой зоны	57
И только дождь запомнит их в лицо.	73
Кикиморы там больше не живут.	119
Перекасти-поле	152
Капитан медицинской службы	175
Спаси и сохрани.	198
Фужер хрустального вина	
для Королевы вдохновения.	206
Глава первая	206
Глава вторая	209
Глава третья	211
Глава четвертая	215
Глава пятая	217
Глава шестая.	221
Глава седьмая	224
Глава восьмая	229
Глава девятая	233
Глава десятая	237
Зверь и кривуля	239
Кровавая Мэри.	249

Баба ягодка опять.	258
Царствие небесное.	269
И вновь пылит чумацкий шлях	279
Зеленые сердечки.	288
Черный день длиною в жизнь	297
Комендантский час	305
Осиновый лист.	325
Янтарный паучок.	331

*С глубоким уважением и благодарностью
Сергею Александровичу Бережному*

ПРОКЛЯТИЕ ПОЛОВЕЦКОГО ИДОЛА

 ни столкнулись нос к носу, беглый солдат и дремавший на карнизе утеса двухметровый полоз. Вызванное неожиданной встречей оцепенение длилось секунду или чуть поболее того. Однако даже малого промежутка времени хватило для того, чтобы Иван вспомнил слова школьного учителя биологии Захара Родионовича:

— Знайте, дети, у гадюки зрачки вроде палочек, а у неядовитых пресмыкающихся — овальные. Но я бы советовал держаться подальше от полозов. Нраву они крайне злобного.

При этом учитель коснулся щеки, где бугрилось обрамленное белесоватыми отметинами родимое пятно величиной с полевою мышь. Отметины — следы зубов желтобрюхого полоза, который подстерег школьную экскурсию на льнущей к стопам каменной бабы тропинке.

— Дети, — вполголоса предупредил Захар Родионович, — замрите. Сей зверь подслеповат и, если не двигаться, может принять нас за половецких идолов.

Наверное, школьная экскурсия и страж степного заповедника разошлись бы миром, не оброни пролетавший шмель крупницу цветочной пыльцы. На беду, эта крупница была втянута в нос школьного учителя и устроила там сильное беспокойство.

Захар Родионович чихнул, и тут же в воздухе мелькнуло похожее на распрямившуюся пружину двухметровое тело.

На крики примчался егерь, худой, словно стебель горького полынка. Правда, пахло от него почему-то не степным разнотравьем, а бражкой. Но, слава богу, егерь сохранил способность соображать и за полторы минуты отцепил полоза от учительской щеки.

— Дуйте на кордон заповедника, — велел он. — Моя супруженица вам ранки зеленкой замажет. Да не вздумайте выдергивать обломки зубов. Сами выйдут.

Егерь оказался добрым человеком. Чтобы успокоить ребят, рассказал, как прошлым летом нашел забытую туристами бутылку водки и как попытался закусить недозрелой ягодкой земляники.

К сожалению, не всякий совет применим в отдельно взятом случае. И хотя над утесом, вместо шмеля, кружился вран, который, как известно, цветочной пылью не питается, Иван почувствовал в носу раздражение. Собственно, чихать начал еще позавчера, когда лежал в придорожной канаве рядом со своей БМП. Вообще-то, Ивану следовало обогнуть горевший впереди танк, однако справа дорогу преграждала сбитая башня и что-то бесформенное, скорее всего, останки солдат, которые еще минуту назад лепились к этой самой башне.

Оказывается, броня — не самая надежная защита. Летевшие с маковки противотанковые ракеты с убойной точностью вскрывали коробки боевых машин пехоты и капоты грузовиков, треть из которых еще раньше растеряла изодранные осколками шины и теперь бороздила ребордами асфальт дороги второстепенного назначения.

Поэтому Иван не стал дожидаться, когда очередная противотанковая стрела вонзится в бок БМП.

— Все — долой! — заорал он и, отпихивая шпротно набившихся в десантный отсек солдат, вывалился наружу.

Вопль сраженного бронбойным снарядом ужасен. Примерно такой звук, только во сто крат слабее издают ребра дикого кабана, сквозь которые проламывается пуля Бреннеке двенадцатого калибра.

На какое-то мгновение Иван утратил способность воспринимать происходящее. Но оглушили его не взрывы, второй прогремел несколько секунд спустя позади боевой машины пехоты, где на буксире тащился рябенький «уазик» командира взвода.

Нечто увесистое хлестнуло его по загривку, отчего с головы слетел и невесть куда подевался испачканный мазутом ребристый шлем. Малость оклемавшись, Иван ощупал вскочившую у основания черепа здоровенную гематому, но крови, к счастью, не обнаружил.

Тем временем взрывы переместились в хвост колонны, а на смену им пришел треск рвущихся малокалиберных унитаров, урчанье пожирающего остатки дизельного топлива пламени, да кто-то невидимый надрывно звал санитаров.

Этот вопль штопором ввинчивался в потерявшие чувствительность барабанные перепонки, однако никто не поспешил на помощь. Когда Иван поднялся на ноги, то первым делом увидел в поле

санитарную «буханку», которая исходила таким черным дымом, словно под завязку была заполнена крепом, из которого шьют траурные нарукавные повязки.

Вторым оказавшимся в поле зрения объектом была оторванная по плечо правая рука. И хотя обрубок выглядел так, словно его пропустили через барабан молотилки, Иван узнал его.

Эту руку невозможно спутать ни с какой другой. Безымянный палец обвивала наколка в виде перстня с черепом. Точно такой же череп размером поболее скалился и на внешней стороне кисти.

На татуировки Иван обратил внимание, когда взводный осматривал мобилизованных новобранцев. Он был на голову выше любого из них и чем-то напоминал половецкого идола из степного заповедника. Лицо подобно грубо сработанной маске из песчаника, кожа цвета придорожной пыли.

— Слушайте сюда, мрази, — прорычал Половецкий идол. — Вам выпала великая честь служить в подразделении, основу которого составляют те, кто пришел защищать нэньку по велению совести, а не по повестке. Вы обязаны во всем походить на них, и тогда, возможно, удостоитесь шеврона с изображением знака великих воинов — «Волчьего крюка». А если кто, — взводный потряс похожим на пушечное ядро среднего калибра кулаком, — вздумает лепить мостырку, или, что еще хуже, дезертировать, того я прокляну страшным проклятием! Он до глубокой старости будет жалеть, что мамка не выписала его в сухую крапиву...

Вот этим самым кулаком я вышиб полтора десятка зубов, а парочку гниловатых мразей комиссовал вчистую...

И вот Половецкий идол сделал то, что не успел при жизни. Наверное, осерчал на подчиненного механика-водителя БМП, который покинул боевой пост и тем самым подставил под ракету волочившийся следом «уазик».

Но на этом, если не считать продолжавшего висеть над головой проклятия, власть взводного закончилась. И вселявший ужас кулак с двумя черепами теперь не больше, чем обрубок, который, похоже, уже заметил пролетевший над растерзанной колонной падальщик из семейства врановых.

Чихнув несколько раз кряду, отчего в голове наступило некоторое прояснение, Иван обогнул сбитую башню и, перепрыгивая через останки человеческих тел, помчался туда, где солнце термитным шаром скатывалось в наполненную золотой пылью степь.

Догоравшая колонна осталась далеко позади, однако невыносимый зуд продолжал терзать носоглотку. Казалось, в ней навечно поселился смрад горячей резины и вонь смешивающихся на асфальте лужиц. Серебристых — от расплавленных аккумуляторных пластин и почти черных — человеческой крови.

Вообще-то Ивану следовало держать курс на юго-восток, в сторону родительского дома, который насквозь пропах солью черноморских лиманов. Но если он будет безостановочно двигаться

со средней скоростью пять километров в час, то доберется лишь к исходу месяца.

Зато до хутора родимой тетки, которую все, включая соседей, называют бабушкой Любой, во сто крат ближе. Надо лишь сторониться перекрестков, где есть опасность нарваться на защитников нэньки и вооруженных чем попало, но таких же обозленных шахтеров.

Если попадешься, мигом поставят к стенке, а за неимением таковой — к мохнатым от пыли кустикам полезащитной полосы. Первые — за дезертирство, вторые — за принадлежность к нацикам. Забьют, как влезшего в овечий катух вора. А потом сволокут в ближайший овраг. И спасибо, если прикроют землицей, не оставят на съедение падальщику из семейства врановых, который ждет не дождется, когда можно будет отобедать конечностью Половецкого идола.

И только прижившийся у опушки старой дубравы хуторок бабушки Любы видится Ивану спасительным островком. Ну не могут же злоба и ненависть заползти в домишко под греческой черепицей, где всегда пахнет пресными лепешками и где в углу на тусклом окладе иконы Николы Мирликийского дремлет отражение горячей лампы.

Он очень гостеприимен, этот огонек. Всяк вошедшего встречает приветливыми поклонами, и от этого в облике заступника бродяг разглаживаются морщины.

Точно так же, приветливо, встретит и сама хозяйка. Маленькая, с глазами цвета степных кри-

ниц, на дне которых застыла вселенская скорбь. И тут же примется накрывать на стол, таково правило в домишке под греческой черепицей — первым делом накормить гостя.

— Как же ты похож на своего покойного дедушку, — вздохнет тетка, и в унисон ее словам всхлипнут добытые из пузатого комода чарки старинного литья.

Печальное настроение, конечно, передастся Ивану, и он предложит первым делом помянуть тех, о ком скорбят глаза хозяйки. Только до хутора на опушке дубравы топать и топать. Поэтому и топчется Иван, шагает по сжатому полю, словно землемер с растопыренным сажнем в руке. Брызжут во все стороны сиреневокрылые кузнечики, хрустит под подошвами берцев непокорная, как колючки ежика, стерня.

Назад ни разу не посмотрел. Пресытился за полтора месяца зрелищем разорванных в клочья тел и вывернутых наизнанку боевых машин пехоты. Его сейчас больше интересует рассыпанная золотистая пыль, которая вблизи оказалась не миражом вовсе, а цветущим подсолнечником. Повернув хранящие юную гибкость корзинки будто указывают Ивану дорогу — на запад, где термитным шаром скатывается солнце и где у иконы Николы Мирликийского теплится приветливый огонек.

— В поросячий голос тебя посеяли, — сказал Иван подсолнечнику. — Сентябрь, но ты полетнему праздничный. А я по твоей милости, ровно пчела, весь в золотой пыльце.